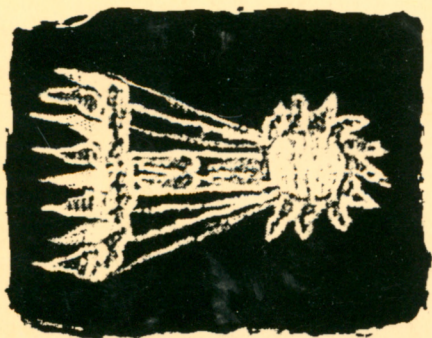

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

ГАРДАРИКА

ВИТА НОВА

Памяти археолога Анны Мачинской

Андрей ЧЕРНОВ

МАРДАРИКА

КНИГА СТИХОВ

ВИТА НОВА
Санкт-Петербург
2008

УДК 882.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч493

Издание осуществлено по инициативе Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника

Книга проиллюстрирована
прорисьями граффити и рисунками артефактов VIII–XV веков
из Старой Ладogi и Новгорода.

На обложке изображение кометы Галлея с гобелена из Байе
(ок. 1070 г. Англия).

Сайт автора: www.chernov-trezin.narod.ru

Чернов А.

Ч493 Гардарика: Книга стихов. — СПб.: Вита Нова,
2008. — 128 с.

ISBN 978-5-93898-186-7

Книга петербургского поэта — попытка лирического освоения «ладожского мифа». К изданию приложен староладожский словарь, в котором читатель найдет сумму базовых сведений о начале русской истории.

ISBN 978-5-93898-186-7

© А. Чернов, текст, 2008

© Вита Нова, оформление, 2008

Garðaríki (Страна Острогов) — так викинги называли будущую Россию. Я позволил себе русифицировать это имя, но, если учесть, что «русами» греки называли не славян, а скандинавов, само понятие «русификация» становится весьма условным.

Основанный в 753 году город Ладога (с 1704-го — Старая Ладога, поселок близ впадения Волхова в Ладожское озеро) — пра-Петербург и, как писал в 1809 году археолог Константин Бороздин, — «первая столица Рюрика». Город Ладога дал имя Ладожскому озеру. Скандинавы звали Ладогу Альдейгья, а позднее, когда появилась каменная крепость, — Альдейгьюборг.

Сюда в 862 году по приглашению ладожан пришел вместе со «всей русью» норманн Рюрик.

Отсюда Вещий Олег начинает объединение Северной и Южной Руси. По Новгородским и Устюжским летописям именно в Ладоге он гибнет от укуса змеи.

Гибнет после того, как в Киеве в день святого Маманта (см. об этом статью «Мамант» в «Староладожском словаре»; с. 105) подписывает черновик второго

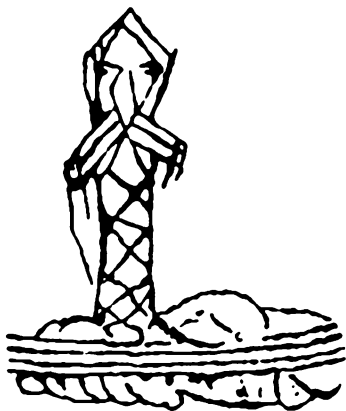
договора с греками, где клянется уже не Перуном и Волосом (Велесом), а «предлежащим святым крестом и святою единосущною Троицей». Это может означать только одно: 2 сентября 912 года Олег крестился и теперь собирается крестить Русь.

Но прежде он должен отправиться в Ладогу, где на языческом капище лежит череп его коня. Олегу надо пересилить прорицание волхвов, прозвучавшее 33 года назад (в данном случае важно не мифологическое число, а то, что 879-й — год смерти Рюрика). И тем доказать, что новый Бог сильнее Велеса и Перуна. Волхвы, неосторожно предупрежденные самим Олегом («...Да придя в Киев, побью волхвов!..»), мешкать не стали.

В Нижнем Поволховье (по-скандинавски это Ормаланд — Змеиная страна) у Олега не оказалось под рукой того небесного копья, каким Перун ежегодно 19 августа побеждает змея Велеса. Но смерть Олега совпала с появлением на небе кометы Галлея, которая в середине лета висела, как утверждают летописцы, «копейным образом», то есть в виде наконечника копья или стрелы. Вероятно, поэтому средневековые скандинавские сказители, повествуя о Вещем Олеге, дают ему имя Орвар Одд (Наконечник Стрелы).

Олегова могила — огромная сопка на обрыве Волхова — сохранилась до наших дней. В пушкинское время ее частично раскопал Э.-Д. Ходаковский. Но нашел лишь золу, угольки да гигантский двушипный дротик.

1

ИЗ ОПАВА ВЯТОРА

(1029 год)

В Хордалáнде круглый год
Липа зеленела,
И дружины ярлов
Ею любовались.

Но желты у Фрейи слёзы,
И пожухнет липа:
У неё теперь земля
Зá морем, в Гардах!

* * *

Д. С. Л.

Когда на волховских низинах
Прошелестит и ткнётся в бок
Стрела на крыльях стрекозиных,
Как между рёбер, между строк,
И сапожком прижав полову,
Самой судьбы не убоясь,
Сухую кость, главу конёву,
Облобызать захочет князь,
И позже, позже, в Петербурге,
Тысячелетие спустя, —
Чего ты медлишь, храбрый Гюрги,
Невозмутимое дитя?
Или слова твои лукавы,
Неблагодатна благодать,
И с пояска у Елисавы
Твой змей сумел-таки сбежать,
Или копье язвящей речи
Двушипным жалом заменя,
И ты в рутине долгой сечи
Обвык в объятиях огня?

1995

* * *

Е. А. Р.

Двенадцати веков вороны ризы,
Черты и резы Ноевых колен.
Норманны, фряги, русы, финны, фризы,
Базар хазар на торжищах словен —

Се Вавилон отеческих глаголов,
До всяких там из тартара монголов
Находник свей, негодник печенег.
Студёный пепел — воспалённый снег.

Вот, собственно, где выпало родиться
И выпадет — как пить дать! — почвой лечь,
Перемешав золу, и кровь, и речь
Полой кургана, как плащом укрыться,

Зелёным, рыхлым, волховским плащом.
И Гоголя шинель тут ни при чём.

1996

СТАНСЫ АЛЬДЕИМИ

Марку Коляде

Каменное прясло на приспе.
Полумрак воротной башни.
Закомары в ледяной крупе
По-музейному позавчерашни.
Подлинник не то чтоб надоел,
Но у дел покуда новодел.

Все равно — шепчи или кричи,
Розово-бесстыжи над раскопом
Силикатной пробы кирпичи
Кажут гузно всем твоим европам,
И надежно замыкает взгляд
Алюминиевый комбинат.

Как сказал один тут: на фига
Красота, когда повсюду янки?

Дожем последнего сига,
Сцеживая «хольстен» из жестянки.
Только былые шмонает ветр.
Здесь теперь 101-й километр.

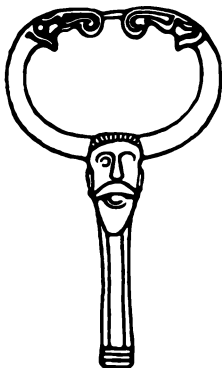
Некогда великая страна
Ты беззубо поджимаешь губы.
В церкви серебрится бузина.
Киснут и ползут сырые срубы.
И Пилат с Вараввой заодно
Крутят колумбийское кино.

Вот и Рюрик дуриком забрёл
Из своей Ютландии. Чего там
Наплели послы про злат-престол?
Восседали б сами по болотам...
Господи, помилуй и спаси
Первую любовь Всея Руси.

В немощи покинутая мать
Первых градов — Китежа и Киева,
Ладога, зачем мне поминать
Вервие твоё и время Виено?
Тесноту двенадцати веков,
Москвичей, потом большевиков...

Битой сухой, жмущейся к ноге,
Вскормишь снадобьем своей же печени
Прясла на яйце и твороге
Да культурный слой на человечине.
Ни принять, ни тронуть не могу.
А не пожелаю и врагу.

1996

ЛУБЯНАЯ КОМПОЗИЦИЯ

Раскопанная Евгением Рябининым на Земляном городище ладожская кожевенная мастерская заканчивается двумя стоптанными лапотками времен Ивана III. Оккупант переобулся в мастерской. И мастерской не стало.

Московиты — люди башковиты.
У них пятки берестой подбиты.
Мы сапожки вам дадим за лапти,
Только Новгорода не залапьте.

1997

ВИКИНГ

Глебу Лебедеву

На вёслах, под парусом — как повезёт! —
От гарда до гарда дневной переход.
То дебрь, то чащоба.
Поглядывай в оба.

Поглядывай в оба — здесь страшен не враг,
Но свой же, такой же находник-варяг:
Где люди боятся крамолы,
Там страх стерегут частоколы.

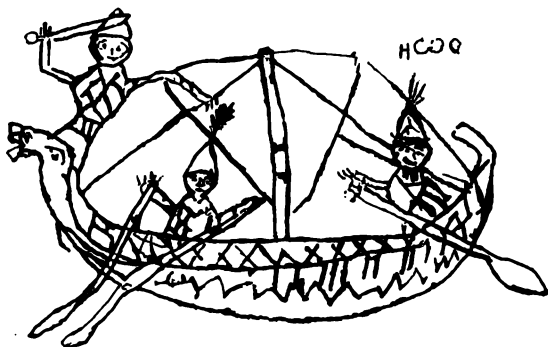
Здесь сами себя обращают в рабов.
Здесь даже на ложе не кажут зубов.
Здесь меч, несмотря на увечья,
Не стал продолженьем предплечья.

Словене и финны, и прочая рвань,
Послушные, платят подымную дань.

В кольчужках сидят попрошайки,
На каждой лужайке по шайке.

От имени Рода вещают волхвы,
А мы — вдоль по Ильмерю ходим на вы.
Вонтелю слава — услада
От гарда до гарда.

1996

СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ

Д. А. М.

Чтоб на куньих мехах с боку на бок
Вы своих ублажали арабок,
Мы завтра уходим в Алаборг,
Хоть и хмель не обсох на усах.
Плещет бисер в тугих туссах.

У норманна полдюжины родин,
Но не сдюжит в Гардарике Один,
Видишь путь — ну почти что свободен
От Велеши до самых Перынь.
Поостынь.

Как прожить веселей и обильней,
Не решить вечервой говорильней,
Обустроились стекловарильней,
Бабьей радости хватит на всех.
Мех за бисер. Монету на мех.

В небесах то дирхем, то денарий,
А в лесах предостаточно тварей,
И купцы из обеих Болгарий
Звонко платят разменной луной,
Исходя серебром, как слюной.

Пусть находник дощатым драккаром,
Как драконом взовьется пожаром,
В этих стенах и камень недаром.
С них на доблесть твою наплевать.
Хочешь драться — умей торговать.

Загребай веселее налево,
Улыбайся хольмгардская дева,
Поторгуйся без спешки и гнева,
Полотно подпирая сосцом.
Не побрезгуй словенским самцом
На побережьи озера Нево.

1996

АХМАТОВА ГОРА

Как о стену горох...

I

Не горка, не полгорка — останец.
Невнятное зачатие нетленьем,
И россыпью приплющенный свинец
Ружейным испражнением оленьим,
А в спину путнику исподтишка
Умело мечет вечности осколки
Кривая мудрость свейского божка,
Распявшего себя на черной ёлке.

II

Мировое древо надломилось,
И навстречу реки потекли
Там, где мудрость заменяла милость,
Там, где русов русью нарекли,
Где при всем варяжестве несвободен,
Отойдя от селища с версту,
Подвигом своим утрюмый Один
Подражать пыгается Христу.

1997

ЖРЕБИИ ДЛЯ ОЛЪМ

В. Н.

Вынется — сбудется. Всякая виса двулица.
Как повернется вишневый в воде черенок?
Так поглядеть — слетает с гнезда соколица.
Эдак — лазоревый млеет под солнцем цвeток.
Пальцы твои выбирали жребий полегче.
Я это ведал, рисунок плетя с двух сторон.
Птица — не птица: вендельский шлем да оплечье.
Ну и цвeток не цвeток — царьградский грифон.
Ты не хотела за князя. Пришлось повозиться
Свату неловкого Игоря. Не голоси.
Пряслица меньше твой жребий, тоньше мизинца.
Станешь забрала и прясла держать на Руси.
Свычаем мужнин смиряя норов жеребий,
В кротости властвуй. У злобы короток век.
И позабудь, что обманом недевичий жребий
Вынуть принудил тебя Вещий Олег.

1996

ПРОФИЦАНИЕ ОРВАРА ОДДА

М. В.

Не ворону битвы, не даже двушипной змее, —
Достанешься в Заморье, вещий, Хозяину брода.
На Млечной реке по еловой взойдёт кисее
Копейное знаменье конунга Орвара Одда.

Ладьи на колесах — я вижу — идут на Царьград.
Я слышу кряхтенье руси, подпирающей днища.
— Се Дмитрий Солунский! — враги про тебя говорят.
Но примешь ты яд. И отравлена будет не пища.

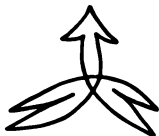
Четыре хвоста у кометы, четыре крыла.
Невенчанный лоб ненаследной лоснится короной.
Но дивная мета в алмазах — в полнеба стрела,
На что тебе, князь, если кружишь дозорной вороной

На собственной тризне. Роскошная сага соврёт.
Забудется имя. Калёное жало возложат
На хладное лоно. Ты — Одд. Ибо всё наперёд
Открыто тебе. Но тебе это вряд ли поможет.

Ты — бред геральдиста, эскиз на кабаньем ребре,
Ты сторож излуки, глядящий из-под небосклона
На храм византийский, что встанет на том вот бугре,
На мальчика, что без копья одолеет дракона.

Тебе суждено умереть от коня своего.
Отдай его Велесу, но через тридцать три лета,
Как станешь стареть, если глянешь в глазницы его
И выдержишь взгляд — пересиличишь пророчество это.

1996

ОЛЕГОВА ВПЕСА

Деревянные бусы моих крепостей
Напронизку — не ради арабских гостей,
Не во имя наследного дарства
Собирал я на шнур государства.

Я мечом приносил не пощаду, но мир.
Где Аскольд-самозванец и брат его Дир?
Ан, чернявые ладят девчата
Русам парусы паволочаты.

На святого Маманта вошедший в купель,
Не Олегом — Димитрием выйду отсель,
И пригублю медовую в Гардах бадью,
И солгавших волхвов, как волков, перебью.

Только прежде — во славу честного креста
Поцелую коня в костяные уста.

1996—2008

УР.ХУМШЕ ПЛАКУН

Н. М.

Тишина над Волховом обвисла
Пеленой туманов и снастей.
Это замышленье Гостомысла
Намывает в Ладогу гостей.

Ливень брызнет молнии короче,
Но всю ночь и многие века
На песочек Одиновы очи
Станет выполаскивать река.

Русской беллетристики инвестор,
Чуя древность и являя вкус,
Увезёт замороженный Нестор
Глазчатую жменю этих бус.

Чье трепещет в парусе рыданье?
Кто волной играет в «нечет-чет»?
Как вода во облацех преданье:
Тронешь — и она не потечёт.

1997

МАПЫШЕВА ГОРА

Сеи же Олег, княжив лет 33, и умре, от змия уяден... Прежде же сих лет призва Олег волхвы своя и рече им: «Скажите ми, что смерть моя?» Они же реша: «Смерть твоя от любимаго твоего коня»... И повеле отроком своим, да изведше его далече в поле, и отсекут главу его, а самого повергнут звєрям земным и птицам небесным.

Архангелогородский летописец

Вот и повод меня повести в поводу
Конунгу на беду
На Морьящину
К богу Ящеру.

Тридцать лет и три года в его табунах
Мне скитаться без продыха в лунных волнах.
Высыхая у Велеса в лапище,
Дождик выбелит череп на капище.

А когда в валунах зашумят зелєня,
Живородную змейку опустят в меня —
Чтобы ластились небыли к былям,
Вскормят юркую млеком кобыльим.

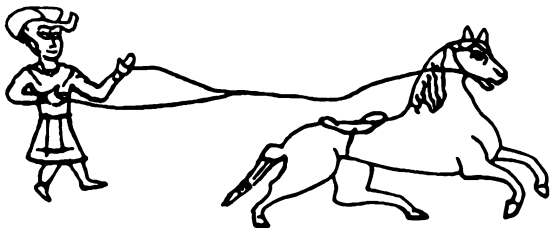
АМУЛЕТ

Е. Р—ой

Прозрачна ночь, хотя и окаянна.
По сопкам спят сигнальные дымы.
Глядит с улыбкою вещунья Несмеяна
Альдейгьюборга ладожные сны,

Но как в курган воткнется ночи ножик,
Росой студёной отрясая сонь,
Серебряный конёк-единорожек
Толкнется в твою углую ладонь.

1997

ПОБЕДИЩЕ

И. В.

На кургане, на вольном дивинце,
Парусит полотно на девице,
К Победищу подходит ладья.
Вот чуть-чуть и окликнут: — Моя!..

Чур моя! — и ревнуя к Стрибогу —
А не лапь! — да в уключину ногу,
Точно в стремя под смех остальных.
Кто-то дружка, а кто и жених.

Но в лодейке не слышно ни смеха.
Кормщик в воду глядит, неумеха.
Смотрят в низкое небо гребцы —
Ни в мужья не хотят, ни в отцы.

И тверды их персты, как коренья.
И чужое в горсти оперенье.

1996

ПОСЛЕДНИИ СКАЛЬД

Он пал под Хольмгардом...
руническая надпись

Эти сопки под вещим копытом,
этот тягостный вой по убитым,
эта в пенной кольчужнице гладь,
эта вёльва — жена или мать,
этот торг за дремучим дрекольем,
эта спешка под мехом собольим,
это кунье смешенье племён,
эта неженка, что я влюблён.
В синеглиньи — богам на заметку —
эти луны ценою в монетку:
захотел пребывать во плоти —
прикопай, прикопи, приплати.
Но и ты, приручившая скальда,
своего не узнаешь Харальда.
Так на кой мне твои янтари,
Валгáлла меня побери.

МЕСТЬ ОЛБИМ

Т. Р.

Четвёртый день волнуются концы,
Перетирая весточки вчерашни,
До света новгородские купцы
Шептались с княжичем в Тайничной башне,

Волхвы кидали в Волхов «нечет-чёт»,
Смущая гридней тёмными речами:
Княгиня на Купалу сватов ждёт.
Зарезан Игорь, аки волк в овчарне.

Чернее тучи юный Святослав.
Всё на людей без повода ярится.
Болтают, Ольга, сына отослав,
Сама не смеет в Ладогу явиться.

И лишь Олегов конюх Крутояр
По-ладожански цыкнет на бояр.
И плюнет. И полезет на полати.
Ещё не время рати собирать.

1996

АКРОСТИХ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА

(863 год)

Аз, Буквы из Ведав,
Глаголю: Добро есть.
Живёте Село Земным,
Иже да Иже.
Как же, Люди, Мыслите
о Нашем Оном Покое?..
Реки Слово Твердо.
Укажут возле с Фер-то Херувимы,
в печали Отец или Уёрвь.

ЕЛИСАВА И ЗМЕЯ

*Тогда всё золото своё
Я замурую в глину...*

Валерий Петренко

I

Лет через тыщу брести у реки,
Вывозив голени в иле,
Там, где мальчишки искали «глазки»
И летописца дивили,

Там, где и ныне, смущая народ,
Слева направо
Чудище на поясочке ведёт
Девушка Елисава.

Сладок вечерней размолвки медок.
Тронешь — под куколем свянешь.
— Слышь, Елисавушка, брось поводок,
Змейкой серебряной станешь.

Станешь хозяйкой последнего дня,
Сродницей первопричины,

Девственным эхом в глазницах коня
В черепе с чёрной Князины.

— Ишь, расшипелся, рогатенький мой!..
Аль помирать неохота?
И, как домашней скотинке «Домой!»
Дланью — пожалте в ворота!

II

Что нам сегодня намостит река
Вместо условленной встречи?
Лёгкое грузило рыбака?
Ядрышко свейской картечи?

Заклёпку драккара? Осколок «глазка»?
Баночку из-под колы?
В толще столетий под толщей песка
Множатся времени сколы.

Рожками крутит расстриженный бог:
Вот тебе Рубиков кубик.
Рюриков кубок на тризне эпох.
Ссохшийся Рерихов тубик.

1996

* * *

К Велесу за море...

чешская поговорка

Ни берега, ни паруса, ни облака,
Соленая пучина, как прореха
Безмолвия, вне времени и облика,
Поскольку в море не бывает эха.

1997

СЕВЕРЯК

...Пришедшию ми въ Ладугу, повѣдаша ми ладожане, яко сдѣсть естъ: егда будетъ туча велика, находятъ дѣти наши глазкы стеклянны и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываетъ вода. От нихъ же вяхъ боле ста, суть же различь.

Нестор. 1114 год

...Гляючи в небо, дракона сразит.

Владимир Леонович

Последнею весной тысячелетья,
Опасно ранней, ненасытно долгой,
Наполненной серебряным урчаньем
За Ладугу отползших ледников,
В начале мая около полудня
Пришел ко мне паромщик Коля Кузин,
Принес в кармане бусину, стекляшку,
Подобранную им у переправы,
И долго мяся, и пыхтел по-детски.

Мне не хотелось пить. Не то, чтоб с Колей,
А просто не хотелось. Я сказал,
Что я в завязке. Он ушел, находка
В развернутой тряпице, как в пелёнке,
Так и осталась на столе — укором
Или подарком. Кто их разберёт,
Потомков викингов да здешней чуди?
Я положил стекляшку на ладонь.
Сквозь патину просвечивала вечность.

Я вышел вслед паромщику на Волхов.
От Новой Ладоги дул северяк.
Река была сиреновой, а небо
Двойным, прозрачным. Я зашел в музей,
Взял ключ от храма, и уже у двери
Услышал вой зверья и птичье пенье.
Гремел орган... Откуда там орган?
Подростки?.. Дверь закрыта... Я не сразу
Попал ключом в замок. И всё затихло.

Всё было, как всегда. Святой Георгий,
Щитом прикрывшись, ехал без копыа
С оранжевым флажком и знал, что зло
Непобедимо сталью. Под конём
Желтела сопка Вещего Олега,
И Велеса-дракона от реки

Вела на поясочке Елисава.
Но тут опять завыло и запело.
И стало ясно: это просто ветер.

И стало пусто, будто бы вот так
Лишили не иллюзии, а смысла
Настолько, что и в кулаке моем —
Не аленький цветочек, привезенный
Из жарких стран — индийских ли, персидских,
Не тот гранат из чёток пилигрима,
Эмеевиком процветший изнутри,
А зёрнышко граната из сельпо,
Забрызганное прозеленью тлена.

Но если так — тогда, ответь, зачем
И Ладога, и перевозчик Коля,
И сын его, которого забрал
На переправе ненасытный Велес?
И зёрнышко оброненное это?
И, может быть, мне только показалось,
Что в миг, когда рыдали оба хора,
Георгий отделился от стены,
Возликовав непоновлённым ликом?

6–17 мая 2000

Р.УНЫ (ЫНУ)

Где времена свивались плетью,
Где две реки впадали в третью,
Где властвовала Ингигерд,
Где был свободен даже смерд,
Где Фрейя тише, чем рабыня,
Где славно погулял Добрыня,
Где сочинили сгоряча
Обряд крещения меча,
Сказав «Не в силе Бог, а в правде»,
И где на фреске Бога ради
Негромким словом усмирён
Козлёночком глядит дракон
Алёнушкин, — в Альдейгьюборге
На Городище Земляном
Мои печали и восторги
Запей, каким пошлют, вином
В тысячелетии ином.

1997

ВЕРХНЯЯ РЕКА

Олегу Хлебникову

А когда наступила расплата
За последнюю склянку чернил,
Мерный ангел живого квадрата
Сверху пёрышко уронил.

И пока оно в руку летело
Легче снега и снегом легло,
Что-то важное отболело,
Вместе с вешней водой изошло.

Только вечность нам веки назначит
И глаза промокнет рукавом,
И над чёрным квадратом заплачет
Мерный ангел в квадрате живом,

В недосыпе двуспальной могилы
Загорится звезда в потолке,
Собирая посмертные силы,
Мы потянемся к Верхней реке,

Где гоня ненасытную гостью
За черту на последний правёж,
Мерный ангел с серебряной тростью
Стережёт изначальный чертёж.

* * *

Альдейгия — страна невелика.
Алоде-йоги — Нижняя река,
Где Ладожка вливается в Заклюку,
Но Волхов различается по звуку,
Где шли на нерест лóдуга и сиг,
Где прожил я счастливый самый миг.

1997

* * *

Н. Вв.

Всё о чужом да о своём
В подробностях-деталях
С неблизкой женщиной вдвоём
В не слишком дальних далях
Узор страстей перебирать,
Дом содержать, детей рожать.

Но ангел в ситцевом венце
Войдёт и бровь насупит,
Когда почти уже в конце
Лицом к лицу — в чужом лице
Твоё лицо проступит.

30 мая 2002

БОНАДИЕС

(из Варяг в Ромен)

О. С.

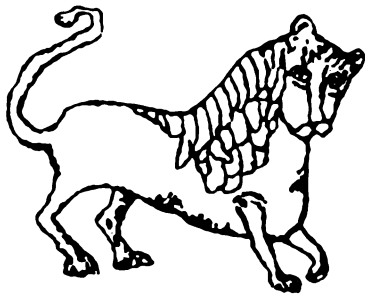
Едва зацветает стена крепостная,
из тьмы изумрудной — смотри: шевельнулась,
распалась! — слетает беспёрая стая.
...Куда подевалась?

Какие там ласточки? Яростней, ярче —
фисташковым сором лексемных чешуек,
бесплотной, но жадной пылью, цитатой
античности в средневековой постройке,
скачком ритмики.

Ну вот всё и кончилось. «Бонадиес!»
Играет прибой сувенирной латынью.
В Амальфи к апостолу францисканец
над бездной бредет, озираясь ушами.
Помстилось... Но что?..
Приключилось... Но что же?..

А толстые девочки на два прихлопа
поют аллилуйю. И дремлет апостол.
И милостиво Средиземное море.
Особенно в мае.

18 мая 1992. Равелло

ФРАГМЕНТ ГЕКСАМЕТРА

Богиня, вспомни, как взревел Ахилл, дитя Пелея,
Воспой его священный гнев, ахейан ввергший в ужас,
Когда низринул он в Аид героев многославных,
А их тела простёр на пир псам и окрестным птицам,
И тем Зевёсу честь воздал, его покорен воле...

2008

НА ПУБШЕ

Ладожского Средиземноморья
снежный шелест в небе нежилом,
где угодыя Храброго Егорья
Велесовым вспаханы хвостом.
Наши музы — Альки и Наталки,
наши кипарисы — ёлки-палки.
Вместо мрамора — разрыв-трава.
Вместо Парки — сонная сова.

Над водою мёртвого колодца,
что бы ни случилось на веку,
погадаем, сколько отольется.
Лыком в стрóку каждое ку-ку.
Се цивилизация по-русски:
вон из дома, точно из кутузки.
Не оседло жить, не кочево —
втянешься, и вроде ничего.

И отсюда, не поняв границы,
мы брели полмиллиона дней

за хвостом куницы и жар-птицы,
за звездой постылою своей.
А запахло Промыслом Господним,
и пришли к себе в одном исподнем.
Ну, не получилось. Бог упас.
Если можете, простите нас.

декабрь 2000 — январь 2001

* * *

Допустим, среди дня...

Ал. Ар.

Запахали плешину, поставили сруб,
Отпустили коняжек на выгул.
И на много веков насорил Грызозуб
Золотыми скорлупками фибул.

Вот на этой реке, вот на этом ветру,
В этой провинциальной вселенной,
Ты очнёшься однажды, глотнув поутру
Этот воздух, и вольный, и тленный.

И не надо про то, что жесток и нелеп
Тот сюжет, мол, *другое, другое...*
Дотянулся — и вот они — Анна и Глеб,
И отец, и Татьяна, и Зоя...

12 июня 1998 — июнь 2008

7

МОНОЛОГ ЗМЕЯ КЪ КАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Сколь упрощённо мыслят эти люди,
Когда идут сюда свергать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены — все беды в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее,
Ну, выбейте меня из-под коня...
И рухнет конь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомёк, что так же, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет всё это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделал вид, что топчет змея,
А сам — не сам, но лошадьёю своею —
И в этом государственная мудрость —
Оперся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня...

декабрь 1975

АВИАТОР.

Умастив золотым вазелином
Незакрытые части лица,
Авиатор Васильев над Клином
Государство читает с листа.

Точно в сказочке детской над всеми
Он дозорно сидит, высоко
И ветрами сгущённое время
Нарезает на дольки легко.

И как будто прочерчена круто
В параллель горизонту черта,
И хотя пролетела минута,
Мимо уха летят почему-то
Лихолетья, столетья, лета.

Осторожней, поручик Васильев!
Осторожней, кому говорят!
Ну как этой игры не осилив,
Долбанете сейчас аппарат?

Вашей крепкой машине фанерной
Не по крыльям сия синема:
За бортом год 10-й, двумерный,
Не сходите, поручик, с ума.

Пахнет облако керосином,
А небесные кочки золой,
И не надо пророчеств над Клином
И фантазий над бедной землей.

Ну почудилось... Ты ж не в убытке,
Рекордист, и кумир, и герой —
Точкой в небе, штрихом на открытке,
В юбилейном издании строкой:

Мол, во времени полубылинном
Ровно в три пополудни часа
Русский летчик Васильев над Клином
Видел город, селенья, леса.

9 марта 1981

* * *

На Васильвский остров, знакомый до слез...

Обласкан и поставлен на довольствие
в Десятой линии близ торжища и храма,
меж динамитной мастерской народовольца
и чёрной лестницей колючей Мандельштама.
Какая разница — на кочке ли, в трясине,
лечь под каблук очередной посадской Марфы
на этих линиях, натянутых Трезини
небрежно-наискось на остров — остов арфы?
Сюда приписан. Лишь затем свободен.
По шляпку вбит. Прикрыт брандмауэра шубой.
И улыбается в ветвях варяжский Один
своей языческой улыбочкой безгубой.

1994

ВЫРИИ

*Вырий — рай древних славян.
Выра — село под Петербургом*

Когда над Вырой облака
удерживал я над тобою,
не опрокинув их, пока
не грянули они бедою,
когда бессилён побороть,
я продышал всего лишь с ноготь
зрачок

и ледяную плоть,
рот ободрав, успел потрогать, —
увидел не тебя, мой свет,
но краем, самым краем зренья,
тот край, где почему-то нет
разъятия и разлученья.

1983

РАСПУТИЦА

Вадиму Черняку

Снег шершав и рассветы корявы,
Но уже оскользается взгляд,
Потому что из каждой канавы
Небеса, не мигая, глядят.

Вдвое глубже, и выше, и шире,
Ибо вся отразилась в реке,
Города, что штыки, растопыря,
Ты вот-вот воспаришь налегке

Не мотором стальным дребезжащим,
Не пропеллером — смертным винтом,
Над прошедшим и над настоящим,
Над звездой своей и крестом,

И не тройкой — червонной тачанкой,
Ведь не зря по углам берегла
Эти кровли, пернатые дранкой,
Безъязыкие колокола.

Ну так в путь — над солёной и пресной,
Над слезящейся талой водой,
Поднебесная — станешь небесной,
Золотою утрешься зарей

Над прибрежной строкой краснотала,
Где надежная в пролежнях грязь,
И над всеми, кого ты заспала,
Грузной грудью на грудь навалясь.

В карауле архангельской стражи
Как живые склонились они,
А иначе нельзя же, нельзя же,
Потому что последние дни,

Потому что пернатая почта
Раззвонила на все голоса,
Что водою пропитана почва,
И текут по земле небеса.

30 августа 1984

* * *

М. О.

Эта слабая тень в слишком позднем окне
с неуклюжим изломом куда-то вовне,
эта женщина, тонкая не по летам,
это та, что над нами на краешке, там,
та, с которой не спать, разве только что спеть
ти-та-та, та, которую встретил бы впредь
не узнал бы да хмыкнул, и которую тут
вертихвосткой зовут и монашкой зовут,
та, что манит ладошкой, а словно крылом,
чьи грядущие лжи и обиды в быллом.

1983

С УКРАИНСКОГО

(Из Лины Костенко)

I

Фанерных журавлей не окликает вырий.
Не жди. Не оживут. Душа уже вдали.
Пои живой водой, полнеба плачем вылей...
А мы-то, мы-то, мы...
Мы тоже кли-ка-ли...

С деревьев моросит. Гнездо прибито криво.
Смыкается октябрь над маревом полей.
Где небо? Где земля? И кто поднимет крылья
Таких ручных, таких фанерных журавлей?

II

Над срубом монастырского колодца
Алеет осень гроздьями рябин.
Придет черница и над ним нагнется.
И зачерпнёт из голубых глубин.
Посмотрит — из-под куколя прольётся
Земной печали отрешённый свет...
Чудной народец — эти стихотворцы.
Все им приснится то, чего и нет.
Приснится то, чему вовек не сбыться.
Внимай, по-детски ужас затая, —
На ободке серебряной криницы
Волнуются виденья бытия.
И целый свет — он брызгами дробится.
Дымок тумана в сумерках долин.
И влажный ковшик на краю криницы.
И гроздья порыжелые рябин.

1985

* * *

Эта жизнь моя, крытая толем,
Послушанием листовым.
Изогнувшийся низким глаголем
Дачных падалиц листовенный дым.
И слоями меж небом и пашней
За штакетником календаря
Разрушение кроны вчерашней
На кленовом листе ноября.
И соседская дань суесловью
С кандидатом столичных наук,
И в суглинке бок о бок с морковью
Хрен да редька да репчатый лук.
...Неужели не надоело
Лишь подошвами почву месить?
Прежде чем положить в нее тело
Вдруг опомнишься душу вложить.
Не сейчас, так хотя бы под старость,
Если светит оттуда и нам
Огородных обрядов усталость,
Бузиной охраняемый храм,
Тот расстриженный, краснокирпичный,
Где крест-накрест горбыль у ворот,
Где весна скорлупою яичной
Только хрустнет — и тронется лёд.

* * *

Веточка вены на левом виске,
Слабая, с временем накоротке,
Тонкая под суховеем ветла,
Светлая, но и под гримом светла,
Словно кому обещалась светить...
Прядью не спрятать, косынкой не скрыть,
Малая речка нездешних полей,
Так и не ставшая жизнью моей.

9 ноября 1985

* * *

Цветных теней земные имена,
их теснота, и тяжесть, и томленье —
как девочка природа влюблена,
как девочка, и день, как день рожденья —
до края лет. О, сколько этих дней
до края лета — долгих, добрых, милых.
Вот и трава все выше и пышней,
особенно вот эта, на могилах.

* * *

Соловьиного пенья, что сора в прозябшей низине,
невесомых скорлупок не вымести и ветрам.
Верхоглядом над кручей, юнцом постаревшим, разиней
озирая окрестность, читать по слогам

эти прорези жизни — женщины или птицы,
пепелище прощаний, России несграбный сюжет,
тусклый список теней, отпечатанных на роговице...
Чем слабее, тем горше. Чем дальше, тем резче просвет.

1987

ВЛАДИМИРСКАЯ

Прилабунится, ища защиты
У щеки младенческой щекой,
И иконописные ланиты
Озарятся краскою земной.
Как ты им втолкуешь, бестолковым,
Что и мыслью можно исколоть
Эту плоть, наполненную словом,
Светом замороженную плоть?
Он дитя. И, может быть, не знает,
Для чего пришли, чего хотят.
Но сама его не отстраняет,
И сама не опускает взгляд.

5 сентября 1984

* * *

Е. Д.

Едва повернет от Успения к Покрову,
И сердце набухнет от влаги гниющей свирели,
Душа, как больная собака, находит траву
В ближайшем дворе — на помойке ли, на пустыре ли.

Смотри — так и ветви смиряют растительный зуд,
Отторгнув плоды и слагая истасканный ситец,
И горькую сырость созвездий, как соску, сосут.
И это важней, чем дыхание и фотосинтез.

Не плачь, ради Бога не бойся: все страхи — вранье.
Когда это брезговал он неумытой душою?
Как прачка, Мария отбелит, отмолит ее,
Прикроет привычной ладонью по-женски большою.

РУНЫ ПЕТРОПОЛИ

...И трижды отступился ученик.
И город от него отрёкся дважды.
И сам устами стылыми приник
К источнику неутолимой жажды.

В нечистоте промышленной зимы
Не к небу — к измерению иному
Лиловые и сизые дымы
Летели параллельно окоёму.

Рогатилась звезда. Лучил металл,
Распространяя тёмное свеченье.
И даже Пётр у райских врат не знал,
Последует ли третье отречение.

1996

ПРАДОСТРОИТЕЛЬ

Андрей Петрович Трезин,
чего повесил нос?
Зачем ты нелюбезен
и на пиру тверез?

Вольно ль тебе на этих
просторных берегах
да в трехсаженных клетях,
неструганных гробах?

Тепло ль тебе на службе
у батюшки Петра
да в Меншиковой дружбе,
в болоте у костра?

Земля у нас богата
железом и пенькой.
А если брат на брата,
то каждый брат — герой.

А если бунт случится,
и вспучится волна,
и море накренится —
твоя ли в том вина?

Домéнико Трезини,
гляди попроще: здесь
в заморском дворянине
всего заметней спесь.

Проныры да придурки
попрыгают в графья —
ногтем по штукатурке
пройдет твоя графья.

Хотя охрип до тех пор,
покуда не прозрел,
российский архитектор
и бессловесно смел.

Одна беда — нелепость,
противная уму:
ты станешь строить крепость,
а выстроишь тюрьму.

Ты выведешь каналы —
венецианский ряд,

но выберет канавы
светлейший казнокрад.

Снесут тебя, закроют
лепниной и землей,
построенное сроят,
но этот город — твой.

И слава и проклятье
положены Петру,
а ты в голландском платье
незримый на ветру,

дабы в ином колене,
не ведая родства,
с тетрадкой на колене
твой внук слагал слова:

зело небесполезен
среди северных равнин
Андрей Петрович Грезин,
российский гражданин.

1983

* * *

В. Н.

Бледный, болотно-озёрный модерн,
Предрасположенность к царству русалю,
Слабый побег от общественных скверн
Века, уже провонявшего сталью.
Даром зачитаны Вертер и Стерн.
Маска безмолвия дышит печалью.

Флора прикинулась фауной. В лад
Гибкие ноги разводит лилея
На штукатурке. И кажется, ад —
Это альковное зелье Бердслея,
Или Бальмонта разбавленный яд,
Но чем хмельней оно, тем холоднее.

Провинциальный закат сквозь окно
Над Петроградской близ моста Тучкова
Тлеет по Шпенглеру. Знать не дано,
Легче ль воды соловецкое слово,
Вправду ли Китеж уходит на дно,
Стеблем кувшинки связав часового?

4 ноября 1990

* * *

Каково скалолазу глядеть в небеса,
Если дрожь его жизни не круче Монблана?
Из незримых расщелин зовут голоса,
Из-под наста гудят горячо и горланно.

Каково атеисту, когда он один?
А хотя б не один... Только давит зиянье,
Где зеницей сгущается ультрамарин,
Сокращается время и нет расстоянья.

От болезней по младости уберёжён,
Ан, уже замечает: крепка укоризна.
Вот и прёт на рекорд, на кордон, на рожон,
Эверест, или пик Коммунизма.

Нету гор выше гор... Вот и новая рать
Станет песни горланить, сбивая ботинки.
Годовалая Ева пыгается яблоко рвать
Прямо с книжной картинки.

1989. Большие Ижоры

СНБ

*Антону Дубашинскому,
возвращая его же наблюдение:
S.-Pb равно S. (sulfur — сера)
плюс Pb. (plumbum — свинец)*

Ну вот нам и открылась наконец
Имперская алхимия латыни:
Сульфур и пюмбум — сера и свинец.
А парадиза нету и в помине.

1998

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ЗАВЕНУ АРШАКУНИ

I

Поперхнешься воздухом пушистым,
оттолкнешь ладонями окно:
Упаси родиться пейзажистом.
Это ремесло обречено,

если вопреки пределу зренья
укрупняет самый крупный план
целый таз вишневого варенья,
с кручи опрокинутый в туман.

Надо быть любителем отпетым,
чтобы в простоте возревновать
то, что было воздухом и светом,
словом или цветом называть.

II

Особенно когда зелёного в избытке
над заводью в тени... И тянет, тянет так,
что стоит разогнуть заглтыш этой пытки, —
душа сойдёт с крючка и канет в облаках.

А все же длится для — запоминанья, что ли? —
купание громов и мальчиковый стыд:
чего он там торчит, как военрук при школе
опережением всего, что предстоит?

Особенно шатры и шпицеры проспекта
в сошествии огня среди рыхлых воздушей —
естественный урон нетронутого лета,
свивание завес из зданий и снастей.

И то, и то, и то, что с мясом выдирает
невесь чего клочок и метит без следа —
дарит исподтишка да втихаря спасает,
особенно когда, особенно когда.

III

Портрет жены художника
в небесно-голубом:
в одном окне Остоженка,
да Лиговка в другом.

Два города, два чайника,
конфорки включены —
портрет жены печальника,
почти и не жены,

а те, которым завидно,
сходили б за него!..
Портрет семьи хозяина
себя не самого,

влекомого, ведомого
по ниточке ножа,
портрет судьбы бездомного
домашнего бомжа.

Портрет жены художника —
почти автопортрет.
Венок из подорожника
сплетён, да не надет.

1987—1989

ИЗ ПОЭМЫ ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ

*...Судили труд Карамзина
С патриотических позиций.
Славянский Брут румянолицый
Залог спасения страны
Искал в преданьях старины.
И находя немало смысла
В устройстве древнем, вечевом,
Он славил Новгород, а в нем
Не Рюрика, но Гостомысла.
А боле прочих был любим
Поборник вольности Вадим.*

...Зачем они стояли в декабре,
как мальчики пылая и робея?
Зачем тогда построились в каре
вокруг Петра? Была ли в том идея
восстания? Повстанец-молодец
идёт на площадь, чтоб ввязаться в драку
и прёт на приступ: крепость ли, дворец —
ему какая разница? — в атаку!
Стояли час. И два. И три. И пять.
Прошли сквозь Зимний и сейчас отдали.

Еще не поздно было начинать
révolution. А всё-таки стояли
напротив оробевшего врага —
чего стоят? — почти на самой кромке
разумного. Калёная пурга
лизала плоским пламенем позёмки
их сапоги. Причём тут Трубецкой?
Причём тут сколько? Много или мало, —
каре не атакует. Это строй
для обороны. Пуля в генерала —
ещё не довод. Присягнул Сенат,
и поздно, поздно... Экая дешёвка
палить в своих, когда стоит парад
свободы, или, скажем, забастовка
военных. Так в 20-м, в октябре —
семёновцы... А если длить примеры,
ещё при Алексее и Петре
в своих скитах стояли староверы.
Горели, но стояли. И металл
крестов нательных прожигал скрижали.
Так Гефсиманский Праведник стоял,
когда легионеры набежали.

1988

БЕЛАЯ ПОЭМА

В тот день была объявлена война.
Ходасевич

1

Стоять, ты наш зелёный, стоять,
стоять, браток... Вот эдак и поймать
себя воспоминанием на стыдном
сюсюканьи, почти совокупленьи
с таким холодным и таким не женским
предметом, дурно пахнущим соляркой.

Застать себя в двух метрах от стены
хрустально-идиотской, в белом прахе
бетона, среди груды мокрых досок,
каких-то арматур. Узреть себя
внутри костра, поскольку отраженье
как чудо в том нетронутом стекле.

Пристрастнее, чем сорок тысяч братьев,
и безнадежней дряблого персека
над телом комсомолки, и скромнее
растлителя Лолиты, и быстрее,

чем в том году (ты помнишь?) получилось
у нас с тобой под дождиком таким же,

теперь под бу-бу-бу-бу Б. Курковой
застать себя оглаживающим
символ совка — так искренно, так нежно —
в толпе, но кто заметит? Столь мгновенно
прикосновение пальцев к телу танка.
Родименький, зелёнький, стоять!

2

— Пройти по нам они теперь пройдут,
но будет склизко...

Перед баррикадой
возник какой-то попик с депутатским
значком на рясе, со своей кастрюлькой
в кульке из прогрессивного издания
и с ложечкою, точно доктор.

— Все
здесь православные? И хором: — Все,
все батюшка. — Все причащаться будем?
— Все, батюшка. — Вот так сложите длани
и оглашайте имя.

Так-так-так —
кварталах в двух одобрил пулемет.

И потянулись, складывая руки
Андреевским — по очереди — смертным
крестом: Артемий, Александр, Василий,
Аркадий, Айвор, Янис...

Почему-то
тут пулемет заткнулся. — Перекурим! —
скомандовал афганец. И впервые
ему не подчинились.

3

Командир,

ты закури, когда вода стоит
не только что в кроссовках и карманах,
а даже в пачке «Явы». Лишь стальные
пруты покуда отторгали влагу,
и та, змеясь, лоснилась и искрила
в прожекторных клубах, и отползала
к невидимой реке. Одни глаза
да кулаки, приросшие к железной
лозе внутри сухими были. Так
в канун Преображенья на Дунае
змей избивают. Ежели гадюка
под плахой, под колодой ли, семь лет
сумеет пролежать, она вползёт
на белый камень, а с него взовьётся
крылатым змеем. И займется лес,

и льды в горах обуглятся.

— Вниманье,
мы ровно-ровно дышим! — репродуктор
стебался, но по делу, — оставаться
всем на местах. Сейчас опять полезут,
они ползут от Пресни.

Белый айсберг
покачивался, быстрорастворимый,
как рафинад в стакане. И у стенки
полковник, по всему южанин, вспомнил,
как брал его отец смотреть на лёд.
— Кто был ничем, бывает, и летает, —
и отшатнулся, будто бы ужален —
на, отсоси! — и теми же губами
сведенными: — Не может быть, чтоб Бога
настолько не было.

4

И рассвело
так неправдоподобно быстро, как бывает
лишь в детстве в планетарии. Зрачок
еще не различал цветоделенья,
но был ли в это утро мир цветным,
я не уверен. И на том спасибо,
что он покуда был.

Мутилось небо

московское дождями. Метромост
волок за электричкой электричку
на ту войну, где русские по русским
опять стреляли. (Ох, глядел, как в воду,
тому лет девять Толик Головков,
арбатский миннезингер.)

Но уже
в своих непыльных фетрах комиссары,
вскрыв сейфы и опрастывая чрево,
склонялись над фаянсовым очком
и как кольцо наотмашь рвали воду,
и старый маршал, слушая куранты,
решался — нембутал или окно?

5

И уходили в день, хотя просили
из репродуктора: не покидайте!
Бестрепетно, почти и без усилия
крест проставляя и на этой дате,

и выходили в ночь во вторник, в среду —
три смены отстояли. И добыли
себе свободу, а вождам победу.
Но тут, как говорится, — или-или.

август 1991 — август 1992

В АЛЬБОМ ТОЛМ КОБЕНКОВА

У Сената намерзнешься, не атакуя,
И пожалте — от Нерчинска до Акатуя,
Где прикрытый тобою Леонтьишко Дубельт
Циркуляром по темечку приголубит.

Собирайся, свободы рассеянной паства,
И кедровник валить и крепить государство,
И шептать-причитать, мол, Россия-Расея —
Всё зелёнка от Терека до Енисея.

По грибам да орехам, грехам да огрехам,
Век железно проехал по собственным вехам.
Ах, когда-нибудь мы это дело отметим.
Ну, пускай не в XX, пускай в XXIII.

29 мая 2000

ВИТАМИН <

Никите Алексеевичу Толстому

Тот век, не дотянувший до седин,
Покончивший с собой братоубийством,
Серебряный, разрозненный, в торгсин
Свезённый на рысях соцреалистом,
На чердаке, в полуподвале мглистом
Еще глотал миндаль и керосин.

И я застал его былых бойцов
Рассеянных — туги и худоухи,
Из племени адептов и чтецов,
Надгробьями блокад и голодухи
Два старика да полторы старухи
Хранили жар великих мертвецов.

Здоровая, купеческая кровь...
Бежали пролетарского нагана
И бровь, каких не делают, и брошь
На самом горле. Ветхое сопрано,

Махоркой приперчённая любовь,
А на устах Марина или Анна.

В семидесятых, веку вопреки,
Столь археологически культурны,
Они легко вставляли на котурны,
Как некогда на Невке на коньки.
Их речи были вязки и сумбурны.

В отличие от именитых, тех
Из Переделкина да Комарова,
Без всяких притязаний на успех
В янтарь законсервировали слово,
Не повзрослев и не сменивши вех.

И я стучался — чуткий, точно тать.
О, это как чесотка, как проказа —
Истлевшими программками шуршать,
Вкушать вино, незримое для глаза.
Что за сюжет — подробности рассказа?
Я приходил не слушать, а дышать.

Но с невинной миной на лице
Мог объявиться вновь спустя полгода,
Где чайным ядом витамина «С»
Лимон на блюде высыхал. Погода

Не поменялась. Явная свобода
Зияла крематорием в конце.

И всё, что не добрал при всех своих
Наставниках, и что сквозило в этих,
Полублагих, полубезумных детях
Ясней, чем в современниках твоих, —
Отмерило тебя от сих до сих.
И кануло. И затерялось в нетях.

1991

* * *

Опереться о воздух локтями
И, повиснув над собственным сном,
Полететь над домами, дымами,
Над отцом, что в кладбищенской яме
Видит сны в измереньи ином.

Что ему до вороньего грая
В тех краях, где ни вёсен, ни зим?
У ограды ваганьковской с краю
Он не знает, что я проезжаю
На метро дважды в будни под ним.

От прошедшей расплакаться боли,
От забытого вспыхнуть стыда,
Направляя усилием воли
Беспричинный полёт в никуда.

28 мая 2000

«ТАНЦЫ К НАМ»

Когда клесты рябину обобьют
насмешливо, неряшливо, кроваво,
всё сбудется-устроится — приют
и под простым крестом земная слава.
Ревнитель прошлой дружбы нас простит.
Досмотрим сны, пошитые навыворот:
там петроградский дождик моросит,
там рак не свистнет — и гарант не выдаст.
Теперь бы позвонить, да недосуг
жевать ту жвачку, де, державу спёрли.
Когда теснее круг — теснее круг
затягивается на горле.
Ни ста тебе рублей, ни ста друзей.
«А к вам, мадам, сюда приходят дети?»
Жар-птица (чучело) сдана в музей.
И зябко, как бывает на рассвете.
Когда клесты рябину оклюют,
когда доской клеёною запахнет,
и тополь (его дворники убьют),
с холста листвою, как гранатой, ахнет.

31 марта — 3 апреля 2006

ДОРОГА ВО ВШПЖ

Всё аушки да аушки —
Копеечная Русь.
Присяду там, на камушке,
Но я тебя дождусь.

Алёнушки, Иванушки...
Но, по снегу скребя,
Я посижу на камушке
И я дождусь тебя.

10 февраля 2006

* * *

Неправильно, неумело —
А всё же — была ни была! —
Какая-то дудочка пела,
Какая-то тропка вела.

Не веря судьбе-генеральше,
Московской не веря судьбе, —
Всё дальше — подальше, подальше! —
Всё ближе и ближе к тебе.

27 апреля 2006

«ТАРОПЛАДОЖ» КНИ «ПОВАРЬ»*

Наш сюжет начинается с пересечения двух историй — геологической и собственно исторической: через тысячу лет после прорыва Невы к Балтике уровень Ладоги и Ильменя упал, и на новые земли пришли новые люди.

До VII века нашей эры тут жили лишь племена финских охотников и рыба'лов. И еще не были проложены торговые пути из Булгар в Варяги и из Варяг в Греки (последний пробьет в начале X столетья Вещий Олег).

Сюжет взаимопроникновения культур — история детских ослышек. То, что для скандинавов *гард Альдейгья*, для волховских словен и кривичей — *город Ладога*. Так славяне «перевели» скандинавское имя города, образованное от финского *alode-jogi* — «Нижняя река» (по замечанию историка Д. А. Мачинского, имеется в виду Волхов в его нижнем течении — от порогов и до устья).

* Приношу сердечную благодарность Н. И. Милютенко и Е. А. Рябинину за помощь в подготовке первого издания этой книги, выпущенной в 50 экземплярах Санкт-Петербургским Интерьерным театром (Гардарика. СПб., 1997).

Новое имя города славяне срифмовали с лудой (так называют каменные отмели), лодугой (здесьней разновидностью сига), а, вероятно, и с неким собственным божеством.

Ладожская крепость стоит на мысу при впадении Ладожки в Волхов. Сюда мимо луды и шла на нерест лодуга, а место это в двенадцати верстах от впадения Волхова в озеро Нево и впрямь было ладным, ладожным.

753 год. Дата начального скандинавского поселения установлена с помощью дендрохронологии археологом Евгением Рябининым, копавшим Земляное городище в 1970-х и 1980-х. Здесь в середине VIII века стояла кузнечно-ювелирная мастерская. Здесь знали, что такое токарный станок (фрагмент обработанной на нем деревянной чаши обнаружит тот же Рябинин). Но в 760-х поселение гибнет. Лет через десять на этом месте осядут словене. Они пришли на Волхов раньше скандинавов, в конце VII или в начале VIII веков, но до поры жили поодаль, выстроив на речке Любше каменно-земляную крепость.

В 780-х в Ладоге на Земляном городище начинает работать стеклодельная мастерская. На арабском Востоке в это время идет активная исламизация. Гонения обрушиваются и на язычников-стеклоделов, изготавливавших амулеты «от сглаза». Ладожане приглашают мастеров и налаживают поставку с Востока сырья для варки стекла. Бисер и глазчатые бусы меняют у местных охотников на меха, а меха продают арабским купцам за звонкую монету. Тем серебром и будет оплачено призвание Рюрика, строительство на «Верхней реке» Новгорода, перенос княжьего стола в Киев, само рождение единого Древнерусского государства.

«Глазкі» (глазчатые бусы) стали на два века ладожской валютой.

Летописи сохранили имя первого финансового (да и протогосударственного) гения ильменских словен, которому нынешняя «одна шестая суши» обязана своими столь обширными пространствами. Это словенский старейшина Гостомысл, тот, кто *намыслил гостей* и обеспечил исправное функционирование двух перекрестившихся в Ладоге торговых путей.

Гостомысл — не имя, а прозвище. А, значит, судьба и суть жизненных деяний этого человека.

* * *

Ладожский пейзаж можно читать как единый текст.

Могила Вещего Олега (центральная сопка в Заморье) поставлена на излучине реки в самую дальнюю из доступных взгляду крепостных сторожей точку. Видимо, не случайно и пространственное противопоставление языческой сопки и Георгиевской церкви, где на фреске в диаконнике святой воин управляется с драконом не копьем, а словом.

Летом 1995 года в раскопе на Земляном городище студент из экспедиции А. Н. Кирпичникова случайно поскреб ножом обломок звериного ребра (слой середины X в.) и обнаружил рисунок — плетеную косичку. (О том, что гравировка нанесена на жребий, догадалась художница Виктория Новикова.) На другой стороне жребия оказался рисунок четырехкрылой стрелы (см. на с. 23) — не просто громовой знак, но, видимо, еще и изображение кометы 912 года. А еще стрелочка напоминает протознак

Рюриковичей с деревянной игральной фишки из раскопанного Евгением Рябининым ладожского «дворца Олега» (см. рисунок на с. 47), и очертание самой Олеговой могилы.

— Смотрите, в какое время мы живем, — сказал тогда Дмитрий Сергеевич Лихачев, — Ладога делится с нами своими тайнами...

АЛАБОРГ — городище VIII — начала X веков на реке Сясь. Уничтожено в 1970-х (здесь брали песок для строительства дороги). То, что осталось, исследовано Сергеем Кузьминым и Анной Мачинской.

АЛОДЕ-ЙОГИ (финск. *Alode-jogi/joki*) — дословно: Нижняя река. Волхов ниже порогов. Скандинавское название Нижнего Поволжья — Ормаланд (Страна змей). Волхов начинается выше Новгорода с урочища *Перынь* (здесь явственно звучит имя Перуна), а последняя возвышенность на нем — *Велеша*. В волховской топонимике отразилась горизонтальная модель мирозданческой вертикали. См. *Мировое древо*.

АЛЬДЕЙГЪЯ (*Aldeigja*) и **АЛЬДЕЙГЪЮБОРГ** (*Aldeigjuborg*) — скандинавское имя города Ладоги. В 1906 году И. Миккола показал, что из финского названия реки *Alode-jogi* происходит скандинавский топоним *Aldeigja* (сначала как имя реки, а затем и поселения), а из него (с метатезой *ald > lad*) — древнерусское *Ладога*. В висе из поэмы «*Bandadrápa*» Эйольва Дадаускальда, сочиненной около 1010 года, звучит исходная форма *Aldeigja*. *Aldeigjuborg* упоминается при описании событий, относящихся к эпохе викингов (середина XI века, до отъезда с Руси Харальда Сурового Правителя).

По Т. Н. Джексон самая ранняя фиксация этого топонима встречается в «Саге об Олаве Трюгтвасоне» монаха Одда (конец XII в.). Известно, что Рюрик «срубил» ладожскую крепость. Появление корня *-borg* говорит о перестройке крепости в камне (согласно Новгородской летописи в 1114 году). См. *Гард; Гардарики; Ладожка и Заклюка*.

АМАЛЬФИ — город южнее Неаполя на берегу Салернского залива Тирренского моря. В 1208 году после взятия Константинополя крестоносцами в кафедральный собор Амальфи перевезены мощи Андрея Первозванного.

АСКО́ЛЬД и ДИР — варяги, правившие Киевом. Согласно В. Н. Татищеву, бежали в Киев после поражения восстания *Вадима Храброго*. Убиты Олегом.

АХМАТОВА ГОРА — возвышенность на западной окраине Старой Ладogi. Топоним происходит либо от татарского имени Ахмат, либо от фамилии Ахматов. Время и обстоятельства его возникновения не ясны. В Писцовых книгах другое имя этой горы — Висельник. См. *Один*.

БЫ́ЛИЕ — высокая сухая прошлогодняя трава. (Отсюда поговорка: «Было — да былием поросло».)

ВАДИМ ХРАБРЫЙ (Вадим Новгородский) — предводитель словен, восставших против князя Рюрика. В Никоновской летописи читаем: «*Того же лета (864) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев советников его*». На роль цитадели Вадима Новгородского хорошо подходит Любшанская крепость, погибшая в результате штурма, видимо,

в последней трети IX века. Стрелы, найденные любшанской экспедицией Е. А. Рябикина в каменном основании крепости, не скандинавские, а местные, и, значит, в последний раз крепость брали свои. См. *Любша*.

ВАЛГАЛЛА (швед. *Valhöll, Valhalla*) — небесный чертог, где пируют с Одином павшие в бою воины.

ВАРЯГИ — в Скандинавии этим словом называли северные дружины на службе у византийских императоров (*varingar, varingiar, древнеисл. væringjar*).

«Варяг» — закономерная славянизация древнескандинавской формулы: *tru vaering* (верная дружина). Это «верник», союзник, то есть тот, кто заслуживает доверия. У скандинавского и древнерусского слова общий индоевропейский корень. В варианте *варанг* слово перешло к грекам. Термин «варяг» сродни древнерусскому «ротник» — «принявший присягу» (*рота* — присяга). По Далю варяг — «скупщик всякой всячины по деревням, коробейник, щепетильник, меняющий мелочный товар на шкуры, шерсть, щетину, масло, посконь и пр.». См. *Рюрик*.

ВЕЛЕС — у славян покровитель скота и богатства. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров показали, что Велес — бог Нижнего мира, змееподобный противник громовержца Перуна. (В Приладожье место их поединка — волховские пороги.) В «Слове о поку Игореве» песнотворец Боян назван «Велесовым внуком». У кривичей богом Нижнего мира был Волос (медведь).

ВЕЛÉША — урочище и деревня на краю балтийского глинта к северу от Старой Ладogi (по имени славянского бога Велеса). См. *Алоде-йоги, Велес, Перынь*.

ВЁЛЬВА — скандинавская прорицательница.

ВЕНДЕЛЬСКИЙ ШЛЕМ — скандинавский шлем предшествующего эпохе викингов вендельского времени (культура Вендель VI—VIII вв.).

ВЕЩИЙ ОЛЕГ — русский князь, норманн и ладожанин, сшивший древнерусское государство в единое целое. Историк Игорь Данилевский, ссылаясь на библейские параллели, заметил, что щит, который повесил Олег на ворота Царьграда, — символ не победы, а защиты.

В Византии существовало пророчество, начертанное на гробнице первого ее христианского императора — Константина Великого: *«Семихолмый град падет, когда вражеский флот перейдет перешеек посуху, но падет не навсегда, а явятся люди от рода русокудрые и возьмут его под свою защиту»*. Пророчество сбылось. Объявившись у Константинополя, Олег приступил к осаде, а потом вдруг разыграл перед изумленными греками грандиозный спектакль — поставил свои ладьи на колеса и двинул суда на город.

Греки предложили мир, чтобы тут же попытаться отравить князя. Олег отверг отравленные дары: *«...и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бгъ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и ргыша: „Нгъсть се Олегъ, но святыи Дмитрей, посланъ на ны от Бога“»*.

За это ясновидение Олег был прозван **Вещим**.

Византийцы быстро забыли имя Олега. Но в «Повести временных лет» сказано, что при Олеге в Киеве словене, чудь и русь прозвались Русью. А Псевдо-Симеон (конец X века) пишет, что у росов был некий могущественный правитель, от коего *«росы получили свое имя <...> после того, как им*

удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними». (Отсюда может происходить и известный лишь по «Слову о полку Игореве» этноним русичи, то есть потомки Роса/Руса.)

По Новгородской Первой летописи Олег умирает от укуса змеи в Ладогe: «...иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу. Друзии же говорятъ, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре, и есть могила его в Ладозьгъ». См. Орвар Одд.

ВИКИНГ (скандинавск. *vikingr*) — древнескандинавский воин, морской разбойник (словарь Ушакова).

ВИСЫ — скальдические стихи, жанрово отличающиеся от драпы (хвалебной песни) и нидов (хулительных стихов). В сагах «отдельная виса» — стихотворение.

ВЩИЖ — центр древнерусского удельного княжества. Здесь вырос черниговский князь Владимир Святославич (ок. 1160—1201), которого новгородцы в 1180 году призвали на княжение после его ратного подвига на Белеховом поле (мальчиком, не обнажив меча, он опрокинул закованных в стальные панцири ратников Мстислава Безокого). Видимо, в честь этого события и была написана фреска в диаконнике Георгиевской церкви Старой Ладогы, на которой безоружный святой Георгий смиряет змея силой Слова. (См. А. Чернов. Хроники изначного времени. СПб., Вита Нова. 2006.)

В семи верстах от Вщижа находится село Овстуг, где родился Ф. И. Тютчев. См. его стихи «По дороге во Вщиж».

ГАРД — частокол, острог (сканд.).

ГАРДАРИКИ (*Гарды*) — Страна городов (буквально — острогов), будущая Русь.

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ — святой Георгий. На фреске в Георгиевской церкви Старой Ладogi, написанной греческими мастерами около 1180 года, святой воин едет без меча и копья (у него только щит и стяг без наконечника), а змея на убрuse (пояске) ведет в город дева Елисава. Надпись утрачена, но, судя по аналогиям и восьми параллельным линиям графьи, звучала она стихами: «Чудо Святаго / Георгия о змен / Деве Елисаве / Граде Лаодикен». Печать лаодикейского митрополита Леона была обнаружена на Земляном городище экспедицией А. Н. Кирпичникова.

ГЛАЗКИ. 1. Глазчатые бусы. 2. Стекланные или каменные бусы. См. *Одиновы очи* и *Стекловарильня*.

ГОРОДИЩЕ — место, на котором было расположено укрепленное поселение. См. *Селище*.

ГОСТОМЫСЛ — вождь ладожских и ильменских словен, живший в конце VIII — первой половине IX века.

ГРАФЬЯ. 1. Инструмент богомаза — игла, вставленная в деревянный черенок. 2. След этого инструмента, оставленный на левкасе или сырой штукатурке.

ГРИДНИ — дружинники. Отсюда и «гридница» — зал для пиров дружины в великокняжеском тереме.

ГРЫЗОЗУБ. См. *Мировое древо*.

ГЮРГИ. См. *Георгий Победоносец*.

ДВУШИПНОЕ ЖАЛО (*двушипная змея*) — двушипный наконечник дротика, копья или стрелы (шип — это то, что при полете стрелы смотрит не вперед, а назад).

ДЕНАРИЙ (*динарий*). 1. Древняя римская серебряная монета, ставшая ко времени императора Аврелиана бронзовой (III в.). Однако были и золотые денарии, равнявшиеся 25 серебряным. 2. Мелкая серебряная монета, которую в VIII—XI веках выпускали многие князья Священной Римской империи и других государств.

ДИВИНЕЦ — высокое место, верх чего-либо, откуда «дивятся», то есть наблюдают за окрестностями.

ДИМИТРИЙ — святой Дмитрий Солунский. Во время первого похода Олега на Царьград греки сравнили его со святым Дмитрием. Д. С. Лихачев пишет, что такое сравнение необъяснимо, но осень 906 года — шестисотлетие мученического подвига этого святого. Видимо, Олег повел ладьи на штурм именно в день юбилейного поминовения Дмитрия.

ДИРХЕМ — арабская серебряная монета в 2,97 г чистого серебра. Чеканилась с 695 года. Применялась в торговле с другими странами (с Древней Русью с VIII до XIII века).

ДОБРЫНЯ — дядя Владимира Святого (Красное Солнышко), в фольклоре ставший былинным богатырем. В 989 году крестил Новгород и Ладогу. Сжег Торговую сторону Новгорода и разорил ладожское языческое капище на Варяжской улице (раскопки В. Л. Янина и В. П. Петренко).

ДРАККАР — боевой корабль викингов, нос которого обычно увенчан головой дракона. Драккары, вмещавшие до 60 воинов, зимовали в ладожской гавани. Здесь викинги пересаживались на речные ладьи. Судя по статистике находок весовых гирек в разных скандинавских могильниках на территории Руси (один набор на пятнадцать курганов), ладья рассчитана на 15 человек (наблюдение А. А. Чернова).

ЕЛИСАВА — царица, известная по житию святого Георгия. Согласно древнейшей христианской легенде, воплощенной в середине XII века на фреске в церкви святого Георгия в Старой Ладоге, воин победил дракона не оружием, а силой молитвы. Спасенная Георгием царица привела дракона на своем поясе, «как корову», в город.

ЖРЕБИЙ — костяной или деревянный предмет для вращения (по типу рулетки) или бросания. В Ладогe найдено три жребия IX—X веков. Каждый из них украшен хитроумной магической гравировкой. (См. *Стрела на крыльях стрекозиных* и стихи «Жребий для Ольги»)

ЗАКЛЮКА — см. *Ладожка и Заключка*.

ЗАКОМАРЫ — в русской архитектуре полукруглое или килевидное завершение наружной стены храма.

ЗАМОРЬЕ. См. *Морьевщина*.

ЗАХА́Б (*захан*) — предворотное, замкнутое с трех сторон пространство крепости, ловушка для тех, кто идет на штурм.

ЗЕМЛЯНОЕ ГОРОДИЩЕ — археологический и топонимический термин. На территории Земляного городища Старой Ладоги находилось скандинавское поселение первых ладожан.

ИГОРЬ — киевский князь Игорь Рюрикович, которого с малолетства воспитывал Вещий Олег. Женат на княгине Ольге. Убит древлянами.

ИЛЬМЕНЬ (*Ильмерь*). 1. Озеро ледникового происхождения в Новгородской области (в летописях — словенское море *Ильмерь*), из которого вытекает Волхов. От финск. *Ihtegi* (имя небесного божества). 2. Любое мелкое,

зарастающее тростником и камышом озеро, нередко паводковое, расположенное обычно в дельте крупной реки. Полагают, что имя Ильмень превратилось в нарицательное и распространилось благодаря новгородской колонизации.

ИНГИГЕРД (*Ингигерда*) — шведская принцесса, выданная за Ярослава Мудрого. Согласно церковному преданию похоронена в Софии Новгородской и канонизирована под именем святой Анны Новгородской. См. *Олав Святой*.

КНЯЩИНА — урочище (и деревня в нем) за южной границей Старой Ладogi. В древности, видимо, — княжеская резиденция. Несколько кладов арабского серебра обнаружены близ дороги, ведущей из крепости в Княщину.

КОНЁК-ЕДИНОРОЖЕК — бронзовая фигурка X века, найденная в 1981 году вместе с набором весовых гирек археологом старолadoжского музея Зоей Дмитриевной Бессарабовой в поле сопки на Победище.

КОНСТАНТИН ФИЛОСОФ — в монашестве Кирилл, один из двух солунских братьев, просветителей славян. Около 863 года разработал глаголицу — первую славянскую азбуку (и при том акростих). Его ученики на основе греческого алфавита создали кириллицу. Начальный состав глаголицы включал в себя как минимум две буквы, неизвестные кириллице. Одна из них — буква «Печаль».

ЛАДОЖКА И ЗАКЛЮКА — две реки, текущие параллельно Волхову по западной границе Старой Ладogi. Ладожка (она же Елена) — течет в противоположном Волхову направлении. Полагают, что название Заклюка происходит от финск. *Yla-joki* — Верхняя река. По Далю Заклюка — крюк, клюка. Соединившись с Заклюкой,

Ладожка впадает в Волхов у Стрелочной башни Ладожской крепости. Крепость была построена в дельте Ладожки.

ЛОДУГА (*лудога; ладога*) — разновидность сига, которую во время нереста ловили на лудах (каменных отмелях).

ЛЮБША — последний правый приток Волхова в двух километрах ниже Старой Ладоги.

ЛЮБША́НСКОЕ ГОРОДИЩЕ — древнейшая каменно-земляная крепость восточных славян на мысовом городище в устье Любши. Существовала с конца VII или начала VIII до последней трети IX века. Исследована в 1997–2001 годах Е. А. Рябининым.

МА́ЛЫШЕВА ГОРА — крутой холм на северной окраине Старой Ладоги. Здесь находился монастырь Рождества Иоанна Предтечи. В языческое время на горе, видимо, было капище солнечного бога Ярилы/Купалы.

МАМА́НТ (*Мама*) — по договорам с греками Олега и Игоря русские купцы должны были селиться в Царьграде около церкви святого Маманта. Приняв крещение в 911/912 году (так следует из клятвы Олега «предлежащим честным крестом и Святою Единосушною Троицей»), русский конунг не случайно подписывает договор в Киеве 2 сентября, то есть в день святого Маманта.

МИРОВОЕ ДРЕВО — модель языческой вселенной, в традиционных культурах — основополагающий символ упорядоченности вселенной и разделения ее на три мира: Верхний, Средний и Нижний. В скандинавской мифологии эмблема Верхнего мира — Орел, а Нижнего — Дракон, подтачивающий корни Мирового дерева. Средний мир

олицетворяет белка Грызозуб, спящая по дереву и переносящая слухи из одного мира в другой.

МОРЬЕВЩИНА (*Морьящина*) — место к северу от Малышевой горы за Моревым ручьем; топоним зафиксирован в 1984 году Г. М. Николаи. Отсюда реконструируется топоним *Зáморье*, превратившийся в летописном рассказе о смерти Олега в «за море».

НАХОДНИК — пришелец; участник вторжения.

НÉВО — древнее название Ладожского озера. *Финск. neva* — бездна, пучина.

О́ДИН — верховный бог скандинавов, повесившийся на дереве, чтобы стать обладателем мировой мудрости. (Вероятно, евангельская реплика в языческом мифе. В Деяниях Апостолов как о «повешенном на древе» говорится о Христе. *Деян.* 5, 301). Бронзовую фигурку Одина, покровителя песнотворцев, на Земляном городище нашел в 1975 году Е. А. Рябинин. Это древнейший из «портретов» Одина (середина VIII века). На торце стержня, которым заканчивается шея бога, находится прямоугольное отверстие. (По догадке историка Игоря Арзамасцева, перед нами приспособление для подтягивания костяных колков на лире.) Рот Одина полуоткрыт — бог поет. Правый глаз гравирован двумя окружностями. Левого глаза нет, ведь именно левый глаз Один отдал в подземном царстве за возможность испить из источника мудрости. Два ворона (спутники Одина) изображены в виде его рогов. См. прорись на с. 14.

«**ОДИНОВЫ ОЧИ**» — глазчатые бусы, которые, как доказывают раскопки Е. А. Рябинина, производились в Ладоге для обмена на меха с конца VIII века, то есть

со времен Гостомысла. «Глазки» обладали сакральной силой ибо ассоциировались с левым глазом Одина, отданным им в Нижнем мире за право испить из источника мудрости (догадка Александра Чернова). См. *Глазки*.

ОЛАВ СВЯТОЙ (995 — 29 июля 1030) — Олав II Харальдссон, крестивший свою страну. Прозвище — Олав Толстый. Правнук Харальда I Прекрасноволосого, первого короля Норвегии. В 1017 году шведский король Олав Эйрикссон обещал Олаву Толстому, что отдаст за него свою дочь Ингигерд. Но слова не сдержал. По приказу отца Ингигерд пошла замуж за хромого конунга Ярицлейва, правившего в Гардах, то есть за Ярослава Мудрого. В 1019-м Олав женился на Астрид, сводной сестре Ингигерд.

Олав столь жестоко крестил Норвегию, что норвежцы восстали. После битвы при реке Хелео (1028) король бежал вместе с сыном Магнусом на Русь, где жил при дворе Ярослава Мудрого и Ингигерд. Ярослав хотел, чтобы Олав крестил Волжскую Булгарию. Но тот вернулся в Норвегию и погиб в битве при Стиклестаде.

Стихи Олава Святого, которыми открывается эта книжка, обращены к Ингигерд. Встретив через десять лет после разлуки свою любимую при дворе Ярослава, изгнанный из Норвегии Олав укоряет Ингигерд за то, что на Русь ее привела корысть. Из скандинавских саг мы знаем, что Ингигерд потребовала у Ярослава в качестве свадебного дара город Ладогу. Потребовала и получила. Здесь сначала правил родич Ингигерд ярл Рёнгвальд, потом его дети. И только под 1105 годом в Первой Новгородской летописи читаем: «...идоша <новгородцы> въ Ладогу на войну».

О Ярославовой уступке шведам русские летописи молчат. Лишь Новгородский епископ Иоаким в своем летописании, отрывки из которого приводит Василий Татищев, укажет на то, что при призвании Рюрика на Русь его жена Ефанда получила в вено ту же Ладогу («обещанный ей град Великий с Ижорою»), но получила ее только после рождения сына. Эта формально нелепая фраза — ключ к тому, когда, в каких условиях и ради чего пишется летопись Иоакима. (Филологическая наука долго отказывала ей в подлинности, но несколько лет назад академик В. Л. Янин археологически подтвердил сообщение Иоакимовской летописи о новгородском пожаре 989 года)

Вено — свадебный дар. Как можно что-то подарить на свадьбу, но... после рождения сына?

За парадоксом явственно проступают неизвестные нам условия брачно-политического контракта ладожан, заключенного ими с викингом Рюриком за полтора века до свадьбы Ярослава Мудрого. Смысл его был, судя по дальнейшим событиям, таким: приходишь к нам князем, берешь в жены ладожанку, отстраиваешь разрушенную в междоусобной смуте Ладогу, а после рождения сына оставляешь жене Ладогу, а себе строишь новый город у истоков Волхова.

Сквозь глухое упоминание о древнем свадебном даре звучит раздраженное брожение новгородских умов: события 860-х и 1019 года зеркально симметричны.

В 1015 году новгородцы изгнали живших у них варягов, а спустя всего четыре года Ярослав дарит своей невесте, которая еще и наследника-то родить не успела, первую столицу Руси. При этом Ладога, в 997-м (спустя восемь лет

по приезду Иоакима на Русь) взятая и сожженная ярлом Эйриком, теперь уже по доброй воле влюбленного Ярослава становится вновь наполовину шведской. И это в то время, когда христианизация Руси только началась.

Мудро ли поступает Ярослав?

Современникам, в том числе Иоакиму, который три десятилетия назад крестил Новгород, кажется, что нет. Но Ярослав другого выхода не видит: перебив заморскую дружину, новгородцы сами себя наказали, ведь жившие в Новгороде варяги были не оккупантами, а просто невесть что вообразившими о себе партнерами по иноземной торговле. И дань, которую им выплачивало Новгородское государство, во многом была прибылью с той самой торговли, что блеском клинков и мощью морских драккаров обеспечивали «свои варяги».

Олав Святой и в 1029 году, то есть перед самой своей гибелью, продолжает любить Ингигерд: в его восьмистрочной виле слились воедино оба запрещенных исландскими законами поэтических жанра: «мансёнг» (любовная лирика) и «нид» (хулительные стихи).

Шведский король отдает дочь за нелюбимого, а она (при всей знаменитой своей строптивости!) отказывается от любезного ее сердцу норвежского конунга потому, что понимает: с русскими надо мириться (без новгородцев чахнет и шведская торговля). И до любви ли тут той, которая ощущает себя ответственной во всех отношениях принцессой? А поскольку русские сами виноваты, то и пусть отдадут ей в компенсацию ворота на Русь — Ладогу.

Первого своего сына Владимира, будущего строителя Новгородской Софии, Ингигерд родит уже в 1020-м.

Значит, Иоакимовская летопись, которая, полагаю, и легла в основу Древнейшего летописного свода, но до нас дошла лишь в выписках с ее перевода на новгородский диалект XVII века, создается Иоакимом для Ярослава (и, вероятно, его невесты) на рубеже 1019 и 1020 годов. (Иначе осторожный, хотя и вконец обрусевший грек, не стал бы вспоминать об условиях свадебного подарка, сделанного в середине позапрошлого века.)

Ярослав тоже знал, что со шведами надо мириться: надо думать, для этого он и заказал Иоакиму то, что мы бы сейчас назвали историей вопроса или краткой исторической справкой.

Видимо, Иоаким и ставит вопрос, на который через век попытается ответить черноризец Киево-Печерского монастыря Нестор: «Откуда есть пошла Земля Русская?»

Ярослав пропустит мимо ушей предупреждение Иоакима не дарить Ладоги до рождения сына. Но, как ни странно, окажется прав. См. *Ингигерд*.

ОРВАР ОДД — легендарный конунг, правивший в Гардарике. Сага об Орваре Одде (с мотивом прорицания смерти от змеи и мертвого коня) — скандинавская реплика судьбы Олега. См. *Вещий Олег* и *Фрейя*.

«ПАРУСЫ ПАВОЛОЧАТЫ» — шелковые паруса, которые Вещий Олег, заключив с Византией мир под стенами Константинополя в 906/907 году, обязал греков шить для русских ладей. Согласно греческим законам, существовали квоты на продажу шелка. Повесив щит на врата Царьграда, Олег обходит эти законы, ведь дань не является торговлей.

ПЕРУ́Н — славянский бог-громовержец, бог княжеской дружины. В 1976 году на Варяжской улице археолог В. П. Петренко нашел в слое середины IX века покрытый гравировкой костяной стержень. На нем ясно читаются два питьевых рога, молот Тора и стоящая на облаке антропоморфная фигура с огромными усами. Если Один узнается по рогам, то Перун по усам, ибо, по одним представлениям, молнии — стрелы громовержца Перуна, но по другим — его усы (как отметил летописец, тело у Перуна деревянное, *глава серебряна, а усъ златъ*). Перун и есть олицетворение Мирового древа: тело — само Древо, голова — серебряные облака, а усы — золотые зигзагообразные молнии.

См. прорись на с. 8, *Алоде-йоги* и *Велес*.

ПЕРЫ́НЬ — урочище у одного из истоков Волхова, посвященное Перуну. Находится напротив Рюрикова городища.

ПЕТР — будущий апостол Петр трижды отрекся от Христа. Санкт-Петербург, город святого Петра, дважды отрекался от имени своего небесного патрона: в 1914-м он стал Петроградом (потеряв приставку «Санкт-», то есть став городом имени Петра I), в 1924-м — Ленинградом.

ПЛАКУ́Н — скандинавский курганный могильник на правом берегу Волхова напротив Староладожской крепости.

ПОБЕДИ́ЩЕ — урочище к югу от Старой Ладоги.

ПОДЫ́МНАЯ ДА́НЬ — с «дыма», то есть с дома.

ПРИСПА́ — вал.

ПРЯ́СЛО — пролет стены между двумя башнями.

«**РЕРИХОВ ТЮБИК**». Николай Рерих бывал в Ладоге в 1890-х. Вид с «полой сопки» (Олеговой могилы) он называет в своих записках «одним из лучших русских

пейзажей». Здесь художник задумал картину «Заморские гости», на которой драккары входят в устье Волхова, а один из гостей смотрит на Любшанскую крепость. (То, что суда идут против течения, заметила Татьяна Рябинина.)

РОД — божество раннеславянского пантеона.

РУНЫ — знаки древнегерманского алфавита. Каждый имел буквенное и символическое значение. Использовались для прорицаний.

РУСЫ — так арабы называли скандинавов.

Ибн-Русте пишет об «острове русов» (начало X в.):

«Что касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, с нездоровым климатом, и земля его настолько сырая, что трясется при ходьбе. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар (две части города Итиль, столицы Хазарского каганата, которая находилась в устье Волги. — А. Ч.) и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: „Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом“».

Выскажу предположение, что «остров русов» — Готланд, а окружающее его «озеро» — Балтика. См. *Русь*.

РУСЬ — греки называли «русью» норманнов (в греческой огласовке этот корень звучал «рос», отсюда вошедшее в обиход с XIV века слово «Россия»). Вот и имена «от рода русских» послов Вещего Олега — типично скандинавские.

Ruotsi — так финны именуют Швецию и шведов. В 839 году находники-свеоны, назвавшиеся «послами народа рос», пришли через Константинополь из Руси и были арестованы в Ингельхейме Людовиком Благочестивым (Бертинские анналы). Этот этноним возводят к древнеисландскому *rófstenn* — гребцы, мореходы. По Повести временных лет словене (ладожские славяне), чудь и местная русь призывают Рюрика, который при этом приходит «со всей русью» (напомним, что он владел Рустрингией):

«862 г. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы...»

В той же Повести временных лет перечисляются народы, живущие по морскому пути из Руси в Греки.

При этом оказывается, что существуют две «руси»: одна на востоке Балтики, а другая на крайнем западе — между готами (жителями Готланда) и Англией, то есть в районе Дании и Фризии. Русь, чудь и славяне прозвались русью в Киеве при Олеге (Повесть временных лет).

Полагаю, что слово легко и прочно вошло в язык благодаря народной этимологии: русь приходила по рекам, и потому ассоциировалась со словом «русло». См. *Русь; Рюрик*.

РЮРИК — отождествляется с Рёриком, герцогом Ютландии, Фрисландии и Рустрингии (Дания).

В XII веке хронист Гельмольд писал про «фризов, которые называются рустры». Приморская провинция *Rüstringen* на картах XVII века находится в восточной Фрисландии, на границе современной Германии с Нидерландами.

Имена Гостомысла (Густимусл) и Рёрика (др.-сканд. *Hrørekr*) соседствуют в германских Ксантенских анналах. Их текст был найден Г. Х. Перетцем в собрании рукописей Британского музея в 1827 году и впервые опубликован в *Monumenta Germaniae Historica, Scriptores* (Т. II. С. 217–235).

Интересующая нас первая часть анналов написана клириком Гедвардом, который некоторое время был придворным библиотекарем Людовика Благочестивого. Людовик Благочестивый — сын Карла Великого, король Аквитании, умер в 840 году. Его сыновья Лотарь I, Людовик Немецкий и Карл Лысый в 843 в Вердене разделили государство Карла Великого. С приходом к власти императора Лотаря Рёрик по Верденскому договору 843 года лишился Фрисланда, а, значит, мог в конце концов попасть и на Русь.

Вот события, относящиеся ко времени Людовика Немецкого (цит.: *Историки эпохи Каролингов*. М., 1999. Перевод А. И. Сидорова):

«844 г. В том же году король Людовик выступил с войском против вендов. И там погиб один из их королей по имени Густимусл, остальные же <короли>

пришли к нему и принесли клятву верности. Когда он ушел, они тотчас нарушили ее. <...>

845 г. В то время, когда это произошло, король Людовик, собрав большое войско, отправился в поход против вендов. Когда язычники узнали об этом, они, со своей стороны, отправили в Саксонию послов и преподнесли ему дары, и передали ему заложников, и просили о мире. И тот предоставил мир и вернулся в Саксонию. После же этого на разбойников нашла чудовищная смерть, при этом также и вожак нечестивцев, по имени Регинхери, который грабил христиан и святые места, умер, пораженный Господом. Тогда, посоветовавшись, они бросили жребии, которыми их боги должны были указать им средство к спасению, но жребии упали без пользы. Когда же некий пленный христианин посоветовал им бросить жребий перед христианским богом, они это сделали и их жребий упал удачно. Тогда их король по имени Рёрик вместе со всем народом язычников в течение 40 дней воздерживался от мяса и медового напитка, и смерть отступила, и они отпустили в родные края всех пленных христиан, которых имели».

Сделаем выписку из статьи Ю. В. Коновалова «Русско-скандинавские связи середины IX — середины XI вв.»:

«Гостомысл известен из немецких анналов как князь полабских славян, погибший в 844 году. Центром одного из объединений полабских племен — бодричей — являлся Велиград (вблизи Ростокской бухты, переименован немцами в Мекленбург). Таким образом, есть все основания считать, что речь в Ипатьевской летописи идет не

о Руси, а о бодричах, или более широко — о западно-славянских землях по южным берегам Балтийского моря».

(www.genealogia.ru/projects/lib/author.htm)

Казалось бы, из этих наблюдений следует, что в основе Иоакимовской летописи лежит ободритское предание о Гостомысле и Рюрике и что прав М. В. Ломоносов, считавший, что славянин Рюрик приходит «из земель Пруссов». Но как погибший в 844 году вендский (ободритский) король Густимусл превратился в иоакимовского Гостомысла, и откуда бы взялась популярность последнего в Новгороде?

Однако события можно реконструировать так:

В конце VII или начале VIII века часть ободритов приходит на восточнославянские земли и расселяется по Волхову, но связи с родиной не порывает.

Волховский Гостомysl выдает свою среднюю дочь за датского конунга Хемминга, она рождает двух сыновей, старший из которых становится «королем вендов (ободритов)». Какое у него было датское имя, мы пока не знаем, но, как отмечал Д. С. Лихачев, у славян слава передавалась не от отца, а от деда, и не странно, что легендарное прозвище Гостомысла прилепилось к внуку — Густимуслу. (Так позже произойдет с прозвищем Мономаха.)

В 844 году король вендов Густимусл гибнет. На какое-то время его заменяет упомянутый в Ксантенских анналах Регинхери — не «король вендов», а всего лишь их вожак, видимо, князек одного из племен. Но, когда гибнет и он, королем вендов становится некто Рёрик.

Он и мирит ободритов с Людовиком:

Как пишет В. В. Седов, не отождествляющий Рюрика с датчанином Рёриком Ютландским, «в середине IX в. в период некоторого ослабления Восточнофранкского государства ободриты восстановили свое политическое объединение, просуществовавшее до 20—30-х годов X в.» (В. В. Седов. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 50.)

Но в это время Рёрик и стал «королем вендов».

850 год: «Норманн Рёрик, брат упоминавшегося уже юного Гериольда, который бежал прежде, посрамленный Лотарем, снова взял Дуурстедде». Вот и согласно Фульдским анналам, именно в этом году Рёрик овладел Дорестадом.

863 год: «Король Людовик созвал собрание народа сначала в Вормсе и после этого в Майнце, и туда пришел к нему Лотарь; они намеревались совершить военный поход против славян, что после этого и сделали. Но он оказался неудачным».

866 год. Ксантенские анналы сообщают: «В этом году язычники сильно разорили остальную Фрисландию...» Но ни Рёрик, ни «король вендов» в этом месте не упомянуты.

В 873 году к Людовику Немецкому «пришел Рёрик, желчь (язва) христианства, притом на [его] корабль были доставлены многочисленные заложники, и он стал подданным короля и поклялся верно служить ему».

Последнее — весомое основание для отождествления двух Рёриков (ютландского и ободритского) и Рюрика, ведь «язвой христианства» и должны звать крещеного (Рёрик Ютландский был крещен еще в 826 году), но ставшего «королем язычников» конунга.

Первую попытку отождествить Рёрика Ютландского с русским Рюриком сделал в 1816 году Х. Холлман.

В 1836-м профессор Дерптского университета Фридрих Крузе также предположил, что летописный Рюрик — Рёрик Ютландский. (О происхождении Рюрика. Журнал министерства народного просвещения, № 9, 1836. С. 43–73.) Причем, главным аргументом стало, что именно после 863 (и до начала 870-х) Рёрик вдруг исчезает со страниц западноевропейских хроник.

В 1929 году полузабытую эту гипотезу воскресил и аргументировал Н. Т. Беляев (Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum. Prague*, Т. 3, 1929. С. 215–270).

Рёрик родился между 800 и 810 годом. Его отец Хемминг в 810-м пытался бороться за трон с наследниками первого датского короля Годфрида. От Карла Великого Хемминг со своим братом Годфридом получили лен во Фрисландии.

Рёрик постоянно воюет с датчанами. Ему было сорок три, когда после распада империи Карла Великого король франков Лотарь обвиняет его в измене и бросает в тюрьму. Рёрик из тюрьмы бежит и объявляется при дворе Людовика Благочестивого. Происходит это спустя четыре года, после того как Людовик задержал пришедших к нему из Восточной Европы через Константинополь шведских послов никому не ведомого народа «рос» (839 год).

Профессор Йельского университета историк Георгий Владимирович Вернадский (сын В. И. Вернадского) в книге «Древняя Русь» (М., 1996) пишет:

«В 826 г. или около того старший брат Рюрика Харальд, которому удалось захватить часть Ютландии (но позднее он был изгнан оттуда), принял покровительство Людовика Благочестивого и был крещен в Ингельхейме, возле Майнца. Поскольку Харальд прибыл туда со всем своим семейством, мы можем предположить, что Рюрик тоже был крещен. Если это так, то он вряд ли всерьез воспринял свое обращение, потому что позднее вернулся к язычеству. После обращения Харальда император даровал ему в ленное владение район Рустринген во Фрисланде. Рюрик имел в нем свою долю, а после смерти брата стал владыкой всего лена. Еще при жизни Харальда оба брата яростно воевали, чтобы защитить свои земли от нападений со стороны короля Дании, а после смерти императора Людовика положение Рюрика стало довольно ненадежным. Согласно Верденскому договору (843 г.), Фрисланд был включен в долю империи, доставшуюся Лотарю, и получилось так, что Рюрик утратил свой лен. На протяжении следующих нескольких лет Рюрик вел жизнь искателя приключений, участвуя в набегах как на континент, так и на Англию. В хрониках тех лет он стал известен как *jel Christianitatis* (язва христианства). В 845 г. его корабли поднялись вверх по Эльбе, и в том же году он совершил набег на Северную Францию...»

Но последнее — это именно то, что и нужно для отождествления Рёрика Ютландского с Рёриком Ксантенских анналов, ведь мы знаем, что в 845 году у ободритов, живущих в устье Эльбы, королем был Рёрик.

Рюрик призван на княжение ладожанами в 862 году. (Дата принадлежит Нестору. Историки полагают, что это произошло около 865 года.) Он отстраивает город, разоренный варягами-находниками, а после их изгнания и междоусобной смуты ставит деревянную крепость, а спустя два года переносит свою резиденцию к истокам Волхова.

Рюрик приходит в Ладогу с братьями Синеусом и Трувором и «всею русью». Полагают, что летописец не сумел перевести формулу *sine hus, tru vaering* («со своим домом и верным воинством»). Однако нельзя исключить, что один из его предшественников-сказителей разрушил богато аллитерированную фразу, в которой имена братьев (к примеру, Синеутс и Торвард) рифмовались с двором Рюрика и верной дружиной: «Хрёрик, Синеутс, Торвард, / Сине хус, тру веринг...».

С последним созвучно и самоназвание труверов, северофранцузских певцов-поэтов XII–XIII веков, образованное, как считается, от глагола *trouver* — находить, изображать, придумывать, сочинять тропы. Вероятно, прозвание северофранцузских певцов — результат сближения скандинавской дружинной формулы и французского глагола. (См. *Варяг*.)

О последнем десятилетии правления Рюрика археолог Глеб Лебедев писал:

«В 870–873 гг. Рюрик возвращается на Запад и улаживает владельческие отношения с королем Франции — Карлом Лысым и Германии — Людовиком Немецким. В Ладоге и Новгороде в это время, видимо, формируется антикняжеская оппозиция во главе с Вадимом Храбрым. Вернувшись, Рюрик сумел расправиться с непокорными

и, вероятно, в это время вступил в династический брак с одной из представительниц местной знати (Ефанда по В. Н. Татищеву). Второй период его пребывания на Руси (875—879 гг.) отмечен стабилизацией экономических связей на Балтике».

В 882 году император Карл Толстый передает Фризию Готфриду, племяннику Рёрика. Это значит, что Рёрика уже нет в живых. (По Нестору Рюрик умирает в 879-м.)

СВЁИ; СВЕОНЫ — шведы. См. *Русь*.

СВЯТОСЛАВ — князь Святослав Игоревич, сын Игоря Рюриковича. Византийский император Константин Багрянородный пишет, что Святослав Игоревич сидел в Немогарде. Полагают, что речь о другом названии Ладоги: «Город при озере Немо (Нево)». Д. А. Мачинский считает, что Немогард Константина Багрянородного — это Рюриково городище при истоке Волхова. («Невы» в переводе с финского — болота, а огромное болото Невий мох находится восточнее Новгорода.) Эта гипотеза, впрочем, может быть оспорена: даже если допустить, что византийский император был знатоком новгородской топонимики, то топоним *Невиград* нигде не зафиксирован. Однако в греческом не было фонемы «в», а потому Немоград — это, всего вероятнее, перелицованное на греческий лад слово «Новгород».

СЕВЕРЯК — ветер с Ладожского озера. Ближе к Белому морю северный ветер зовут «сиверко».

СЁЛИЩЕ — место, на котором некогда было расположено неукрепленное поселение. См. *Городище*.

СКАЛЬД — певец и стихотворец у скандинавов.

СЛОВЕНЕ — ветвь славян, пришедших в Ладожскому озеру и Ильменю из Центральной Европы в конце VII или в начале VIII веков.

Словене, в отличие от кривичей, пользовались сохой с металлическим ралом и умели пахать тяжелую пойменную почву. А именно такая плодородная илистая почва — драгоценность Ильменского поозерья.

Здесь необходимо геологическое отступление.

Примерно пять тысячелетий назад начался подъем Карельского щита, и Ладожское озеро, сбрасывавшее воду в Выборгский залив через Вуоксу, оказалось запертым. Это привело к тому, что Волхов потек вспять и мелководный Ильмень затопил окрестные земли. Однако у всякой чаши есть края, и 2,5—3 тысячи лет назад Нева пробилась к Финскому заливу. Уровень Ладожского озера стал падать, а территория бывшего дна, подсохнув, оказалась пригодной для обитания человека.

Это и определило миграцию словен в Приильменье.

Если ежегодные осенние разливы Нила породили Египетскую цивилизацию, то падение уровня Ладоги и Ильменя ускорили будущую Русь.

Новгородцы помнили, что кормит их Ильмень. Не случайно именно здесь и родилась легенда о граде Китеже.

СОПКА — погребальная насыпь, большой курган.

СТЕКЛОВАРИЛЬНЯ — около 780 года в Ладоге начинают работать арабские стеклоделы. За бусы ладожане скупают у финских охотников меха, а меха продают арабским купцам за серебряные дирхемы. (З. А. Львова назвала это тройным товарообменом, а Е. А. Рябинин

двухступенчатой торговлей.) Через восемьдесят лет Ладога уже могла оплатить серебром и призвание Рюрика (торговый путь по Балтике в Западную Европу нуждался в военной защите), и строительство Рюрикова городища близ будущего Новгорода, и перенесение столицы в Киев. Объединение Северной и Южной Руси, отпор хазарам и походы на Византию — плоды древнеладожской экономической теории и практики. См. *Гостомysl*.

Ладожская стеклодельня работала, видимо, в режиме эмиссионного банка, а добыча и экспорт мехов, в конечном счете, привели к тому, что Россия распространилась на одну шестую земной суши. Здесь и были заложены основы русской цивилизации — не кочевой и не оседлой, но — промысловой. А потому, надо думать, русский быт столь «безбытный» и необустроенный.

«СТРЕЛА НА КРЫЛЬЯХ СТРЕКОЗИНЫХ» — гравировка на гадательном жребии, обнаруженном на Земляном городище в 1995 году. См. *Жребий* и рис. на с. 23.

СТРИБОГ — языческий бог славянского пантеона. По «Слову о полку Игореве» его внуки — ветры.

ТАЙНИЧНАЯ БАШНЯ — одна из башен Староладожской крепости.

УРОЧИЩЕ СОПКИ — сопочный могильник к северу от Старой Ладоги между Малышевой горой и Велешей. (Урочище — ландшафт, отличный от окружающего.)

ФИБУЛА — металлическая застежка на одежде.

ФРЭЙЯ — в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви, красоты и домашнего очага, колдунья, научившая волшебю асов (род старших скандинавских богов —

Одина и Тора). Фрейя вышла замуж за человека по имени Од. (Допускают, что этот человек был воплощением бога Одина.) Од так давно пропал без вести, что Фрейя считается вдовой. Она ищет Ода по Земле, оплакивая его слезами, которые тут же превращаются в золото.

Каламбур Од — Одд (имя Вещего Олега в Саге об Орваре Одде), очевидно, не случаен, ведь герой саги, уйдя из Скандинавии, долгие годы правит вдали от родины, в Гардах.

ХАРАЛЬД — здесь вообще король. Харальд I Синезубый Гормссон — король Дании и Норвегии, в 965 году крестивший Данию. А зять Ярослава Мудрого скальд и король Норвегии Харальд III Суровый Правитель (его женой была Елизавета Ярославна) героически погиб в 1066 году.

ХОЗЯИН БРОДА. См. *Велес*.

ХОЛЬМГАРД — скандинавское имя Новгорода.

ХОРДАЛАНД — фьорд на западном побережье Норвегии.

ХРАБРЫЙ ЕГОРИЙ. См. *Георгий Победоносец*.

ЯЦЕР. См. *Велес*.

ГАРДАРИКА:

I

Из Олава Святого	9
«Когда на волховских низинах...»	10
«Двенадцати веков вороньи ризы...»	11
Стансы Альдейгии	12
Лубяная скоморошина	15
Викинг	16
Стансы Гардарике.	18
Ахматова гора	
I. «Не горка, не полгорка...»	20
II. «Мировое древо надломилось...»	20
Жребий для Ольги	21
Прорицание Орвару Одду	22
Олегова виса	24
Урочище Плакун	25
Малышева гора	26
Амулет	27
Победище	28
Последний скальд	29
Месть Ольги	30
Акrostих Константина Философа.	31

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

I. «Лет через тыщу брести у реки...»	32
II. «Что нам сегодня намочит река...»	33
«Ни берега, ни паруса, ни облака...»	34
СЕВЕРЯК	35
РУНЫ СЫНУ	38
ВЕРХНЯЯ РЕКА	39
«Альдейгия — страна невелика...».	41
«Всё о чужом да о своём...»	42
БОНАДИЕС	43
ФРАГМЕНТ ГЕКЗАМЕТРА	45
НА ЛЮБШЕ	46
«Запахали плешину, поставили сруб...»	48

II

МОНОЛОГ ЗМЕЯ...	51
АВИАТОР	52
«Обласкан и поставлен на довольствие...».	54
ВЫРИЙ	55
РАСПУТИЦА	56
РАДИЩЕВ	58
«Эта слабая тень в слишком позднем окне...»	59
С УКРАИНСКОГО	
I. «Фанерных журавлей не окликает вырий...»	60
II. «Над срубом монастырского колодца...»	61
«Эта жизнь моя, крытая толем...»	62
«Веточка вены на левом виске...»	63
«Цветных теней земные имена...»	64
«Соловьиного пеня...»	65
ВЛАДИМИРСКАЯ	66

«Едва повернет от Успения к Покрову...»	67
РУНЫ ПЕТРОПОЛЮ	68
ГРАДОСТРОИТЕЛЬ	69
«Бледный, болотно-озерный модерн...»	72
«Каково скалолазу глядеть в небеса...»	73
СПб	74
Три стихотворения ЗАВЕНУ АРШАКУНИ	
I. «Поперхнешься воздухом пушистым...»	75
II. «Особенно когда зеленого в избытке...»	76
III. «Портрет жены художника...»	77
Из поэмы «Остров на побережье»	78
БЕЛАЯ ПОЭМА	80
В альбом Толи Кобенкова	85
ВИТАМИН «С»	86
«Опереться о воздух локтями...»	89
СТАНСЫ к NN	90
ДОРОГА во ВЩИЖ	91
«Неправильно, неумело...»	92
СТАРОЛАДОЖСКИЙ СЛОВАРЬ	93

Андрей Юрьевич Чернов
ГАРДАРИКА

Оформление и верстка:
Наталья Введенская

Корректор:
Дарья Ефимова

Подписано в печать 30.06.2008.
Формат 60×84/32. Усл. печ. л. 3,72. Тираж 800.
Гарнитура Academy. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Издательство «Вита Нова»
198099, Санкт-Петербург, а/я 114
Тел./факс: (812) 747-26-35,
тел.: (812) 747-26-41,
(812) 785-28-71 (редакция)

Электронная почта: spb@vitanova.ru
Сайт издательства: www.vitanova.ru

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

ISBN 978-5-93898-186-7

